

ДЕТИ ~~ВОЙНЫ~~
ВОЙНЫ

Павел ГУШИНЕЦ
Борис ДЕНИСЮК
Богдана ПОТЕХИНА

ВОЙНА ЗА НАШИМИ ОКНАМИ

По рассказам участников и очевидцев

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2021

УДК 94(476)“1941/1945”(093)
ББК 63.3(4Бел)622
Г98

Серия основана в 2010 году

Гушинец, П. В.

Г98 Война за нашими окнами: по рассказам участников и очевидцев / Павел Гушинец, Борис Денисюк, Богдана Потехина. — Минск : Четыре четверти, 2021. — 200 с. ; [5] л. вкл. — (Дети войны).

ISBN 978-985-581-415-4.

В детстве и юности лето — это ожидание счастья: яркого солнца, тепла, ласковой речной волны, а еще выпускного бала и предвкушения взрослой жизни.

Но лето 1941 года для тысяч детей останется границей, отделившей счастливую жизнь от жестокой действительности. За окнами больше не слышалось пения птиц, а гремели взрывы. Началась война.

Эта книга — воспоминания детей, что прошли войну и остались живы. Воспроизводя их рассказы, авторы старались сохранить каждое слово, мельчайшие подробности, чтобы память о тех трагических днях осталась навсегда и не повторилась война за нашими окнами.

**УДК 94(476)“1941/1945”(093)
ББК 63.3(4Бел)622**

ISBN 978-985-581-415-4

© Гушинец П. В., Денисюк Б. Н.,
Потехина Б. О., 2021

© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2021

Иосиф (15 лет)

Иосиф Михайлович Черненко

*(д. Красный Берег Жлобинского района —
д. Туча Клеецкого района)*

Мы жили в деревне Красный Берег Жлобинского района. Отец — машинист на поезде, мать — мастер на вареньеварочном заводе. Был когда-то в Красном Береге такой завод, он и теперь остался, только называется по-другому. Кроме меня, в семье было ещё два сына, старший Олег и средний Франек.

В 1927 году, когда мне исполнилось всего полгода, на полустанке Хальч в Буда-Кошелёвском районе случилась авария. Отец погиб, и мать осталась одна с тремя пацанами на руках. Работала день и ночь, получала небольшую пенсию за отца (14 рублей 45 копеек), ещё деньгами и дровами помогал её брат, дядя Викентий Викторович Тригубович. Денег совсем не было, часто не хватало еды, про одежду и говорить нечего. Я донашивал за братьями какие-то лохмотья.

1933 год помню хорошо. Тогда на Украине был голод, поезда оттуда шли через Красный Берег, забитые больными, оголодавшими людьми. Тех, кто умирал, складывали на крышу. А на нашей станции снимали и хоронили в больших общих могилах.

В апреле 1938 года внезапно арестовали дядю Викентия, мужа маминной сестры Владимира Дамбовского и ещё десять человек со станции. Мать тут же уволили с работы, как сестру «врага народа». Её, мастера высокой квалификации, никуда не хотели брать. Едва устроилась прачкой в сельхозтехникум. Приходили несколько раз с обыском. А что у нас искать?

В 1938-м мы поняли, что все наши невзгоды до этого времени были цветочками. Мать выбивалась из сил. Есть было нечего. Ещё и шипели на нас со всех сторон. Братья приходили из школы битые. Дети из семьи «врага народа».

Матери больно было смотреть, как мы голодаем. Она написала письмо брату отца, Дмитрию Хрисановичу. Тот был военным, офицером, служил где-то в Ленинграде. Не побоялся, приехал со своей женой Дорой Павловной. Всю ночь они с мамой разговаривали. Наутро уехали, забрав с собой Франека. Матери легче было прокормить двоих, чем троих.

Это был большой риск, но Дмитрий не побоялся. Хотя дураком не был. Переписал Франека на себя, сменил ему имя и даже отчество. Был

брат Франеком Михайловичем, стал Александром Дмитриевичем. Два года брат прожил у дяди. Потом Дмитрия Хрисановича перевели во Львов. Дядя был каким-то большим военным начальником. Я уверен, он знал, что будет война. Поэтому всего за несколько месяцев до её начала отослал Франека домой. Брат приехал с новыми документами. Мать аккуратно завернула их в тряпицу и спрятала в стол. Эти документы спасли нам жизнь.

Война началась в один день. Только вчера объявили, что немцы напали на Брест, только утром у сельсовета толпились мобилизованные мужики, а уже ночью по улицам тархтели немецкие мотоциклы. Пронулись мы при новой власти.

Братъев в армию не взяли. Франек (Александр) не подошёл по возрасту, а старший Олег ещё в детстве сильно повредил ногу. Кости неправильно срослись, поэтому одна нога была короче второй. Брат сильно хромал, не мог долго ходить.

Однако с первого дня оккупации заговорили о партизанах. Франек рвался в лес, мать плакала и не отпускала.

В Красном Береге при заводе был техникум, а в нем, как тогда было принято, комната с учебным оружием. Какое там оружие, старые, разбитые винтовки, имитация гранат. Немцам кто-то рассказал про этот «склад». Они обыскали техникум, нашли оружие. Устроили по всей деревне облаву. Хватали бывших учащихся, просто молодых парней. Попались и Франек с Олегом, их увезли в неизвестном направлении. Полтора месяца от них не было ни единой весточки. Мать плакала в подушку, мне страшно было слышать этот её плач. Часто она останавливалась посреди хаты, бросалась ко мне, сжимала изо всех сил, словно стараясь оградить последнего оставшегося сына от немцев и полицаев.

Братъя вернулись грязные, вшивые, голодные. Кожа и кости, о том, где были, рассказывали мало. На их глазах расстреляли несколько учащихся техникума. Братъя выжили чудом.

В 1942-м рядом с нами в лесу объявился партизанский отряд. Франек ушёл сразу. Олег был у них связным. «Кульгаў» между деревнями, собирал сведения, передавал брату.

Какая-то сволочь полицейская решила выслужиться перед фашистами, подсказала, что Франек в партизанах. Немцы ввалились ночью, забрали маму, утащили в сельсовет. Били, допытывались, где сын.

А мать отвечала, что сын давно погиб. А жил с ней в хате не сын вовсе, а дальний родственник Александр Дмитриевич. То ли племянник, то ли ещё какая седьмая вода на киселе. Пожил и ушёл. А мы за него не в ответе. А полицаи про сына всё врут. У нас и документы есть.

Послали за документами. Всё верно. Черненко Александр Дмитриевич. И никакого Франека. Ещё и староста нам помог. Он был хороший человек, держал связь с партизанами. Вступился за мать, да и документы подтвердили. Чудом отстали от нас.

3 февраля 1943 года мы спали. Грохочут в двери, чуть не выбивают. Мать накинула на себя что-то, бегом открывать. Входят трое немцев. Здоровенные, под потолок. Ещё помню, у каждого на шее гривна была блестящая. Свет керосинки в этой гривне отражался, а над гривной — не лица, а провалы тёмные. Едва дали нам одеться, выволокли на улицу. Сначала согнали всех в соседской хате, продержали сутки в страшной тесноте. Потом перевели в телятник, что на станции Красный Берег. На станции погрузили в вагоны, перевезли в Бобруйск. Там уже много народа было, собирали со всей окрестности. Затолкали за стены Бобруйской крепости. Все вперемешку — женщины, старики, дети. Мороз, голод. Снег со стен собирали, топили в ладонях, дети потом слизывали.

Большая проблема — оправиться. Народу так много, что стоять негде. Мужики кое-как устраивались по углам, а женщинам как? Молодые девушки не от голода рыдали, от стыда. Несколько женщин с ума сошли, бросались на охранников. Их тут же расстреливали.

Через некоторое время нас разделили. Мать с братом в одну сторону, меня с другими хлопцами моего возраста — в другую. Снова в вагоны, повезли.

Сначала выгрузили в Польше, неподалёку от Кракова. Отвезли на угольную шахту. Работали много, кормили плохо. План был такой, что взрослый здоровый человек едва мог выполнить. А мы, пацаны, и во все из сил выбивались. Не выполнил план — половину пайка не дадут. Вместе со мной работали Сергей Чернов, Иван Вербицкий. Поддерживали друг друга, надеялись выжить.

Среди тех, кто работал на шахте, было много французов, поляков. Французам приходили посылки от Красного Креста, их не били, работали они меньше. С поляками тоже получше обходились. А с нами, с советскими, как с животными. И не важно, украинец, русский, белорус или татарин. Советский, значит, не человек.

Французы сначала пытались нас подкармливать. Но немцы наказали нескольких из них и помогать перестали. Мне трудно их винить. Кто бы стал рисковать жизнью ради незнакомых чужих пацанов, когда дома семья ждёт?

Ближе к концу войны нас перевели в Германию, под Эссен. Снова в шахту. Уходили под землю затемно, выходили уже ночью. Неделями света не видели. Ещё постоянно бомбили, днём и ночью. Летит где-то

в небе чёрточка, едва видная, с мизинец. И тут — рёв, грохот, свист, земля дыбом. Бомбу бросил. Или несколько самолётов летят — бомбят широкой полосой. Это американцы и англичане взрывали заводы Круппа в Эссене.

В шахте нечем дышать, везде угольная пыль, которая забивает лёгкие, оседает на лице, руках толстым слоем. Еды почти не давали. С утра тонкий кусочек хлеба из опилок, в обед под землю спускали бидоны с какой-то бурдой из немьтой свеклы. Ешь это варево, и песок на зубах скрипит.

Меня с Сергеем Черновым определили на дополнительную работу. Кухня располагалась в городе, и надо было на шахты таскать бидоны с варевом. Погрузим на тележки эти бидоны и тащим через три улицы. Как-то приехали к кухне, а там на куче отбросов валяются кости и порубленный конский череп. И большая собака грызёт кость. Мы с Сергеем бросились у собаки кость отнимать. Она огрызалась, кусала нас, лаяла. Собака большая, сильная, а мы едва ноги таскаем. Отбили по кусочку черепа, сидели обсасывали. А эта тварь рядом сидела, урчала, грызла.

Не люблю собак.

Мы совсем оголодали, едва ноги тягали, о выполнении плана и разговора не шло. Так нам и половину тарелки этого свекольного варева не давали. Измучились так, что решили бежать. Однажды днём выбрались из шахты через боковой выход — и что было сил к лесу.

Да куда там. Бежать сил нет. Языка не знаем, еды с собой не взяли, местность незнакомая. Сами грязные, лица как у негров чёрные. Через полдня поймали нас полицейские. Долго били, норовили попасть сапогами в живот, по голове. Потом забросили в фургон и отправили в Дахау. Умирать.

В лагере затолкали меня в барак. Устроился кое-как в уголке на нарах. Лежал весь избитый, кровь шла из носа, из ушей. А жаловаться некому, все вокруг такие же измученные, избитые.

Утром приходили в барак охранники, поднимали нас криками и дубинками. Кто не поднимался — тех выволакивали в крематорий. Труба его дымила днём и ночью. Еды не давали совсем.

Каждое утро я находил в себе силы подняться. Но понимал, что ещё пара дней — и всё, не встану.

На четвёртый день слышим — стрельба за стеной барака. Крики, беготня. Выбрались из барака, а возле ворот стоит «виллис» с белой звездой. Американцы нас освободили.

Вывели из лагеря, поселили в городке. Наш барак разместили в бывшей школе. Дали оцинкованный ящик галет, во дворе повар-негр варил

нам баланду. Нам эта баланда показалась вкуснее самых изысканных кушаний. Негр был весёлый, шутил, что-то говорил всё время, хохотал, показывая огромные белые зубы. Раз подшутить решил. Взял булку белого хлеба и жал сильно, спрятал в ладонях. Я кричу:

— Что ты делаешь, дурак?! Это же хлеб.

А он хохочет, руки отпускает, и хлеб распрямляется.

Американцы к нам хорошо относились, разговаривали. Потом на несколько дней американцев сменили англичане. Вот те уже держались высокомерно, сторонились, брезговали.

Несколько дней нас откармливали, потом приехал на машине наш, советский капитан. Я тогда в первый раз увидел форму с погонами. Капитан начал нас расспрашивать, сортировать. Сказал, что всех советских скоро перевезут на нашу территорию.

Перевезли и начали допрашивать. Кто по своей воле сдался, кого забрали в плен. Бить не били, но допрашивали сильно. Многих увозили в неизвестном направлении.

Мне повезло. Когда немцы меня забирали, мне и пятнадцати не было. Так погрозили только, но домой не пустили. Оставили служить в армии.

Служил я в 90-й стрелковой дивизии в 214-м артиллерийском полку. Там меня тоже долго допрашивали особисты, не верили. Сначала определили ездовым на батарею. Я был худой, тонкий, едва ходил и боялся лошадей боялся. Привык потихоньку. Служил честно, старался искупить службой свою вину. Хотя какая тут вина, меня кто-то спрашивал, хочу ли я на немецкой шахте работать?

Через некоторое время нашу дивизию расформировали и артиллеристов перевели в Прикарпатский военный округ в Староконстантинов и Шепетовку. Меня определили в 1036-й Краснознамённый полк в гаубичную батарею. Там начали учить. Сперва определили заряжающим, потом наводчиком. Демобилизовался в 1950-м младшим сержантом.

Ещё когда служил, мне за отличную учёбу дали десять дней отпуска. Со страхом поехал домой. Ожидал увидеть пепелище. Оказалось, что все мои выжили. Олег успел по дороге спрятаться, его даже не угнали в Германию.

Олег окончил техникум, работал механиком-агрономом. Его отправили работать в деревню Туча Клецкого района. Он переехали и забрал мать. Когда я демобилизовался — тоже приехал в Тучу. Туда же после десяти лет лагерей вернулся дядя Викентий.

Тогда в каждой деревне были радиоточки и радисты. И меня отправили учиться на радиста в Бабиничское совхозное училище в Оршанском районе. Там познакомился с будущей женой Олей. Записались мы

ещё в училище. Свадьбы не было. Взяли бутылку вина, сели с друзьями, выпили. Вот и весь праздник.

Через три года Олег отработал на заводе и вернулся в Красный. Я остался в Туче. Мы с Олей поставили койку в комнате, где у меня рация стояла. Там и жили, там и сына Дмитрия родили.

Звонят мне из Красного Берега:

— Срочно приезжай, брат Александр приехал.

Бросился я на станцию, с 1942 года брата не видел. От вокзала шла улица Кооперативная. Я по ней бегу к дому матери, а навстречу мне мужчина незнакомый. Городской, солидный.

— Дай, — говорит, — закурить.

— Я, — отвечаю, — некурящий.

А он не отстаёт, дорогу мне перегородил.

— Дай, закурить, и всё тут!

— Уйди, мил человек, — молю я. — Тороплюсь.

А он посмотрел на меня серьёзно:

— Что ты, Юзик, меня не узнаёшь?

Пригляделся я, а это Франек. Пошутить решил.

Обнялись мы на улице. Пошли домой. Сидели всю ночь, вспоминали. Он про то, как в партизанах был, я про шахту, лагерь. Плакали.

Много лет прошло после окончания войны, однажды в нашем кинотеатре показывали новый фильм «Судьба человека». Пошёл и я. И не смог досидеть до конца. Увидел сцену, где Андрей Соколов после «угощения» коменданта лагеря заходит в барак. А там — до боли знакомые нары. И люди на них в несколько рядов лежат. Три дня я лежал на таких нарах и смотрел в узкое окошко на трубу крематория. И понимал, что если утром не встану, не найду в себе силы подняться по команде охранников, то лететь моему пеплу в эту трубу.

Загрялись у меня руки, часто забилось сердце. Встал я тогда и вышел из кинотеатра. Никогда больше этот фильм не пересматривал, хотя односельчане очень его хвалили.

В 1990-е годы нас, узников и угнанных, отыскивали немцы. Несколько раз выдавали нам небольшие суммы дойчмарками, откупались. Прощения просили.

Бог им всем судья.

От сотрудников музея:

В годы войны с территории Клецкого района было вывезено в Германию 903 человека. 169 узников лагерей до сих пор проживают в деревнях Клетчины.

Света (1 год)

Светлана Ивановна Астрейко (Рудник)

*(д. Слобода-Кучинка Копыльского района —
д. Селютичи Житковичского района, Беларусь)*

До войны мы жили в местечке Копаткевичи под Гомелем. Отец работал на мебельной фабрике, поэтому в доме было много мебели, он сам её делал. Старшие рассказывали, что строили из табуретов целые крепости, играли. Бывает, поломают что-нибудь, мать их бранит, а отец придёт с работы — смеётся:

— Ничего, пусть ломают. Ещё сделаю.

Утром объявили — война. Сразу же прилетели самолёты, начали бомбить железнодорожные пути. А мы жили рядом с узловой станцией, где пересекалось восемь путей. За окном — постоянные взрывы, осколки падают во дворе, впиваются в стены. Немцы бомбили пути и станцию, чтоб не успели ничего ввезти. Мы бегали по двору, как испуганные цыплята. Никаких бомбоубежищ или глубоких подвалов не было. Куда прятаться? Издалека гудит самолёт, летит на станцию, оттуда грохот, взрывы. А горячие острые осколки свистят совсем рядом. И уже лежит на дороге убитая ими собака, и уже кричит где-то неподалёку раненый.

В один день всех мужчин собрали и увезли на призывной пункт в райцентр Петриков. Многодетных потом вернули. У моего отца было семеро, да у брата его Фёдора тоже семеро. Так сказали им — идите домой, а остальных забрали.

На следующее утро отец не пошёл на работу. Это было непривычно. И так страшно, что все дети сидели, словно мышки в своём углу. Семеро детей, и хоть бы один писк.

Отец сидел на кухне, опустив голову. Смотрел на свои руки, молчал. Мать постоянно плакала. Ближе к вечеру пришёл дядя Фёдор, и они с отцом ушли разговаривать на улицу.

Немцы явились через несколько дней. По дороге шли и шли гружёные машины, танки, бесконечным потоком катили мотоциклисты. Небо гудело от самолётов.

Колонна за колонной везли пленных, сразу же доставили колючую проволоку, столбы, цемент. Строили большой лагерь для пленных. Собирали туда солдат, которых хватили на дорогах. Их много тогда было, они возвращались домой из разбитых в боях частей.

Там, за проволокой, их было набито страшное количество. Много раненых, больных. Не только русские были, но и украинцы, белорусы, кавказ-

цы... Какие-то азиаты были, которые по-русски плохо говорили. Кормили их плохо. Выкапывали возле лагеря бурты, оттуда вилами в котлы накидывали картошку, бураки, кое-как варили и этим их кормили. Какая-то бурая каша пополам с землёй получалась. Но люди ели, им не хватало и этого.

От плохой пищи начинались болезни. У многих был кровавый понос. Умирали десятками. Утром немцы глянут через проволоку, заметят заметив неподвижные тела, и приказывают тащить их к выходу. Пленные несут своих товарищей, забивают ими грузовики... Потом их отвезут и сбросят в большие ямы. А сверху — трактором.

Отца почти сразу же забрали в этот лагерь. Никто не поверил, что он не воевал, что его оставили из-за многодетности. Мать собрала нас, всех детей, пришла к лагерю. Начала просить охранников:

— Отпустите вы его! Он же ни в чём не виноват!

Отец как-то узнал, что она пришла. Выбежал к проволоке, руками на неё замахал:

— Уходи! Уходи, они тут этого не любят!

Мать заплакала, но ушла.

Вскоре отца перевели в другой лагерь, в Чернигов. Там они с товарищами подрыли землю и сбежали через лаз. Им вслед стреляли охранники, спустили собак. Но сбежать удалось всем. Месяц отец добирался домой. Шёл ночами, а днём отлёживался в лесу в кустах. Иногда заходил в деревни, его кормили, прятали. Никто — ни украинцы, ни белорусы — не сдал немцам.

Отец пришёл сухой, как щепка. Вши бегали на нём табунами, хоть лопатой гребь. Он поскребся в окно, а мать больше сердцем почувяла, чем услышала. Открыла, вцепилась в него, несмотря на грязь и вшей.

Немцы тогда у нас всю хозяйничали. В школе устроили комендатуру. Как стемнеет, запрещали ходить по улице, жечь в доме огонь. Но мать зажгла в подполе крохотную свечку, устроила отца там. Долго мы его прятали. В деревне было много предателей, тех, кто за лишнюю поддачку готовы были всё что угодно сделать. Отец распух весь, особенно ноги, как колода, ходил он с трудом. Как немного поправился — перебрался в лес. Собрал вокруг себя таких же подпольщиков. Они взрывали пути, устраивали диверсии на фабрике, потом вышли на партизан.

Партизаны в наших краях действовали активно. Освобождали целые районы, восстанавливали там колхозы, советскую власть. На оккупированных территориях было много партизанских информаторов, которые предупреждали, если немцы готовили какие-то операции.

Вот так однажды приезжают к нам в село и говорят: «Уходите все в лес. Готовьте землянки, прячьте продукты. Немцы собирают силы, бу-

Леонид Летун с отцом, 1945 г.

*Леонид Летун,
Валентина Михайловна Летун
с дочерью Тamarой*

Михаил Иванович Летун в Берлине, 1945 г.

Михаил Иванович Летун (слева) с сослуживцем

Тамара Летун, 1950-е гг.

Жители д. Свинка Копыльского района, 1940-е гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Иосиф (15 лет)	5
Света (1 год)	11
Майя (6 лет). Зерно со вкусом войны	16
Антон (6 лет)	22
Валя (22 года). Везучая	27
Маша (12 лет)	32
Зина (18 лет)	37
Володя (6 лет). За что фашисты убили мою маму?	39
Галя (5 лет)	44
Петя (6 лет)	50
Лена (4 года)	54
Толя (12 лет)	60
Лаврентий (14 лет)	63
Белла (8 лет). Чужая бабушка	66
Лёва (12 лет). Доктор Лепетило	71
Лёня (4 года)	77
Надя (9 лет). Я благодарна белорусам	80
Нина (9 лет)	84
Слава (11 лет)	86
Тоня (15 лет)	94
Лёня (7 лет)	98
Стасик (12 лет). Платье в горошек	102
Саша (15 лет)	107
Соня (13 лет)	112
Тома (5 лет)	115
Слава (14 лет)	119
Тома (2 года)	121
Саша (7 лет)	125
Слава (12 лет)	133
Лиза (10 лет)	140
МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ	144
<i>Володя (10 лет)</i>	144
<i>Женя (8 лет). Серые и чёрные</i>	144
<i>Марк и Владимир (16 и 17 лет)</i>	145
<i>Лена (15 лет)</i>	146

Люда и Таня (1 год и 6 лет, Ленинград)	148
Серёжа (15 лет)	157
Гена (14 лет)	161
Рая (3 года)	165
Зоя (8 лет). Устала, устала	170
ДРУГАЯ ОККУПАЦИЯ	175
<i>Кирстен (16 лет)</i>	175
ИСТОРИИ ПИСАТЕЛЯ. НЕ УСПЕЛ	181